

Дверь закрылась, и Энлайк остался один.

Выражение Релии, когда он уходил, врезалось в его сердце.

Он мог вспомнить его, как будто он стоял прямо перед ним в этот самый момент.

Почему этот парень улыбался? думал Энлайк.

Почему он может улыбаться? подумал он.

Он мог только думать о своей жизни до сих пор и отныне как о боли. Энлайк мог выдержать это только потому, что он отказался от всего.

Однако Релия улыбнулся. Он должен был быть таким же, как Энлайк, и все же он улыбался.

Он вспомнил о существовании вещи, называемой улыбкой. Он вспомнил, что в этом мире есть такая вещь, как улыбка, и задумался, может ли он тоже улыбнуться.

Это было большее всего. Иногда надежда была мучительнее для сердца человека, чем отчаяние.

Энлайк зарыдал.

«Почему он может улыбаться?»

Он продолжал плакать и вскоре уснул. Он продолжал спать, не замечая своего голода.

Настал день, когда Энлайк должен был выйти из карцера. Смотритель отвел его обратно в его прежнюю комнату.

Он набил живот несколькими хлебными крошками, сходил в угол комнаты и сел. Он повернулся к стене лицом, чтобы остальные Мяса не видели его.

Было кое-что, что он хотел попробовать. Он просто обязан был это попробовать.

Энлик вложил всю силу в губы. Он сильно напряг их, и они немного содрогнулись и чуть изменили форму. Он приподнял уголки губ. Его глаза задрожали, когда он прищурил их. Брови нахмурились, будто он терпел страшную боль, а губы приподняли мясо на щеках.

Это выражение лица совсем не было похоже на улыбку. Не было ощущения гармонии; все части лица ужасно не совпадали друг с другом. Это была просто странная гримаса, отдалённо похожая на улыбку. Это была не более чем неумелая имитация.

«...Чёрт».

Пробормотав это, Энлик разжал лицо. У него не было зеркала, но он всё равно понял — это нельзя назвать улыбкой. Это было просто искажённое лицо.

«Я попробую снова», — подумал он.

Энлайк опять скорчил свое гримасничество. На этот раз он задался целью извлечь свой голос. Возможно, если он засмеется, то сможет и улыбаться свободно.

"...Хахаха..."

Однако прозвучавшее из его рта напоминало птичий крик. До смеха ему было далеко, так что его выражение лица явно не улыбалось, а выглядело просто странным.

"...Проклятье".

Энлайк опять проклял себя. Ничего не получилось.

"Что, что ты делаешь?"

К нему обратился Мит. Его взгляд не выражал ни капли разумности. Казалось, он был настолько сломлен, что с трудом выговаривал слова.

"...Пытаюсь улыбаться".

Энлайк ответил, по-прежнему не поворачиваясь к нему.

"У...улыбаться? Хаха, аааа. Что это такое?"

"Я не знаю".

Энлайк даже не взглянул на задавшего вопрос Мита. Он больше не мог понимать его слов.

"Хихихи, хехехеа, хахахаа".

Мит метался по комнате, издавая звуки, напоминающие смесь плача и смеха.

"Почему?"

Пробормотал Энлайк.

«... Почему он улыбается?»

Обдумав это, он схватил себя за голову и снова разрыдался.

Прошло некоторое время. Попытки улыбнуться стали ежедневной рутинной Энлика. Каждый день он кривил лицо, а затем сдавался. В процессе его лицо выражало меланхолию, что полностью противоречило его цели.

Однажды дверь в комнату Энлика открылась, и вошли несколько зрителей. Это было необычно. В тот день они не принесли корзину, полную хлебных крошек, а вместо этого стали осматривать Мяса, словно что-то искали.

«Выберем хорошее Мясо. Сигал-сама и Ганбанджель-сама сегодня посещают нас с визитом», — сказал один из зрителей.

«Да, я знаю. Какое же выбрать?» — Эпилик бросил быстрый взгляд по комнате.

«Попробуем вот это».

Он схватил Энлика за руку.

«Это странное Мясо. Иногда оно корчит рожи. Вот так», — сказав это, один из зрителей передразнил лицо Энлика, показывая другим мужчинам. Все они засмеялись. Это было неприятно, но Энлик не мог ничего поделать.

Смотрители вывели его из комнаты и привели в просторный зал на верхней палубе. Это был первый раз, когда он покинул нижние помещения корабля. Солнечный свет и синее море ослепили Энлика.

Зал, куда его привели, предназначался не для Мясных, а для их зрителей. В отличие от комнаты Мясных внизу, здесь было чисто и приятно.

По размеру зал в пять раз превосходил комнату Мясных. Посреди зала находилась большая клетка, шириной примерно с комнату Мясных.

Энлику велели войти в клетку. Внутри уже был кто-то. Этот человек в ужасно мешковатой одежде был с ног до головы укутан в шлем. По размеру тела он походил на мужчину. На белом шлеме, который он носил, была вырезана улыбающаяся рожица.

За клеткой стояло несколько мужчин — зрители, которые привели сюда Энлика, какие-то люди в белых халатах, а в дальнем конце зала на диване сидели мужчина с длинными волосами и старик.

Взглянув на этих двоих, можно было сразу понять, что они были самыми важными людьми в комнате.

«Хм. Похоже, тебе тоже пришла в голову забавная идея, но меня она не интересует.

Я думаю, что есть другой способ победить Хамьюц Месету».

Сказал длинноволосый мужчина, сидящий на диване.

«Хм, Сигал. Я устал от твоих блефов. Ты постоянно говоришь, что у тебя есть способ победить ее, но ничего не делаешь».

Ответил ему старик.

«Ха-ха-ха, это потому, что время еще не пришло. Кроме того, на моем пути гораздо больше препятствий, чем просто Хамьюц».

«Хе-хе-хе, ты всегда твердишь: деньги, деньги, деньги. Я тебя совсем не понимаю».

«Я тоже тебя не понимаю. Зачем нам, Истинным Людям, которые уступают только Богу, пытаться создать что-то, что превосходит нас?»

«Не помню, чтобы я говорил тебе это».

«Ну, это не имеет большого значения. Истинные Люди обычно изолированы друг от друга. Такие люди, как мы, которые ладят, — исключение».

«Ха-ха, это правда».

Энлайк вообще не понимал, о чем они говорили.

«Образец мужского пола. Возраст около шестнадцати лет. Нет анамнеза, не обучался магии и...»

«Учитывая нашу прошлую неудачу, введем ему 110% летальной дозы».

«Но он же сразу умрет, как и в прошлый раз?»

Людей, одетых в белые халаты, обсуждали между собой.

«Кстати, Ганбанзель... А что это за эксперимент?»

«Ты что, не слушал? Я тебе уже сказал, что это эксперимент по испытанию препарата, который насильно вводит магические права в мозг людей».

«Это я знаю, но разве он только что не провалился?»

«Метод проб и ошибок важен. С первой или второй попытки ничего не получится».

«Но мне кажется, это пустая трата времени».

Судя по всему, стариком был Ганбанзель, а длинноволосым мужчиной — Сигал.

Пока что Энлайк из их разговора понял лишь то, что это эксперимент, а он — подопытный кролик.

Люди вокруг говорили о разном. Он мог слышать их всех, но они казались далекими по какой-то причине.

Энлайк подумал, что умрет.

Это был эксперимент над людьми. Ради таких вещей Меаты и существовали. Человеческие бомбы, опыты над людьми... Меатов держали в живых только для этого.

Он не думал, что это страшно.

Он думал только об одном...

«Если они позволят... Я хочу попытаться улыбнуться хоть раз», - подумал про себя Энлайк.

Он попытался исказить свое лицо. Как всегда, он поднял мякоть щек и опустил уголки глаз. Но, как и всегда, ему не удалось улыбнуться.

Даже в самом конце он не смог улыбнуться.

От этой мысли ему стало очень грустно. Из глаз Энлайка потекли слезы.

«...Что он делает?»

Пробормотал человек в белой маске.

«Что такое, Борамот?»

«Не знаю. Он сделал странное лицо и внезапно заплакал».

«Хмм...»

Старик на диване с большим интересом посмотрел на Энлайка.

Давайте попробуем еще раз. Энлайк вытер слезы рукавом и снова попытался улыбнуться. Но не смог.

Он не мог этого сделать, несмотря ни на что.

Почему он не мог? Даже при том, что он прикладывал такие усилия... Даже при том, что он так старался...

«...»

Поразмыслив, он понял простой ответ: у него не было ничего, что могло бы заставить его улыбнуться. Но даже признавая тщетность своих попыток, он все равно хотел улыбаться.

«Какое странное Существо».

Кто-то пробормотал за пределами клетки.

Люди в белых халатах прервали свои занятия и посмотрели на Энлайка. Среди них распространились недоумение и нерешительность.

«Хм».

Этот голос снова раздался от человека, известного как Ганбанцель.

«Эй, Борамот. Приведи сюда этого юнца».

«Привести сюда? А что насчет опытов с препаратами?»

В маске спросил человек удивленным голосом.

«Это можно сделать позже. Я сказал привести его сюда, так что сделай это».

«Извините».

Маскированный человек — судя по всему, его зовут Борамот — схватил за руку все еще плачущего Энлайка. И велел открыть дверцу клетки.

Как только дверца открылась, к Энлайку неожиданно бросился какой-то сторож.

— Что ты творишь?!

И ударил Энлайка. А потом, когда тот рухнул, стал кричать:

— Как это Мясо осмелилось плакать! Что... что теперь с моим путем к Раю! Так я не смогу попасть в Рай!

Сторож тряс Энлайка за плечи. Ганбанцель скучающе наблюдал за этой сценой.

— Эй, Борамот. Разберись с этим нытиком.

Ганбанцель пальцем показал на сторожа.

— Слушаюсь, господин.

Ответил Борамот.

В этот момент одежда Борамота неожиданно стала удлиняться, как простыня. Одежды оплели сторожа и обволокли его, словно живые существа.

— Я его убью?

— Ты что, спрашиваешь об этом, идиот?

Борамот кивнул.

Размякшая ткань облепила и искривила мужскую фигуру. Возможно, под ней скрывалось бездыханное тело зрителя. Внезапно полотно окрасилось в алый цвет.

Огромная масса сжалась и вернулась к первоначальным размерам. Смятое, как тряпка, тело зрителя приземлилось на пол.

— Что будем с этим несчастным делать?

— Убрать все его остатки, включая душу. Нельзя допустить, чтобы подобный тип вознесся в Рай.

— Воля Ваша. Вы слышали Его.

Борамот указал на труп перед мужчинами в белых халатах. Они с недоумением приняли тело и унесли прочь.

Борамот подвел Энлика прямо к Ганбанзелю.

Ганбанзель долго всматривался в Энлика.

— Эй, что ты мне притащил? Хватит таскать перед моими очами эту вонючую Плоть.

Так сказал долговязый мужчина по имени Сигал.

— Заткнись и выслушай. Разве это не забавное Мясо?

— Ха! Не подыгрывай этому чудищу.

Сигал пренебрежительно пожал плечами и поднялся. Он оттолкнул Энлика в сторону и направился к выходу.

"Какое удобство, у тебя сейчас есть местечко. Малец, иди сюда, присядь".

Ганбанзел хлопнул по месту рядом с собой на диване. Энлик удивился. Он никогда прежде не слышал таких добрых слов.

"Сделай как он говорит".

Борамот подтолкнул Энлика сзади. Тот сел рядом с Ганбанзелом.

"Итак, Борамот. Видел ли ты когда-нибудь Плачущего перед смертью?"

"Не видел".

Ответил Борамот.

"И я тоже. Интересно. Интересно, интересно. Я должен обладать такими интересными личностями".

"В самом деле".

Старик говорил, глядя в глаза Энлику.

"Почему ты плачешь?"

"...Я хотел улыбнуться. Но не могу. Даже ни разу".

Ответил Энлик.

"Подумать только, есть Плачущий, который говорит такие вещи... мир действительно полон вещей, которые нельзя понять".

Ганбанзел пробормотал, поглаживая свой подбородок.

"Но разве это не просто? Ты можешь улыбаться, если тебе что-то нравится".

"Я Плачущий. У меня нет такой вещи".

"Хм. Разумно".

Некоторое время Ганбанзел размышлял о чем-то, глядя на лицо Энлика.

"Как тебя зовут?"

«Энлайк».

«Итак, Энлайк. Я задам тебе вопрос. Как ты думаешь, что самое приятное в мире?»

Энлайк покачал головой.

«Не знаю».

«Есть много приятных вещей. Вкусная еда, хорошее спиртное, курение или секс с женщинами... Но, Энлайк... Все эти приятные вещи сводятся к радости жизни. Ты понимаешь, Энлайк?»

«Не совсем, но думаю, что да».

«Итак, Энлайк, как наслаждаться радостями жизни?»

«Не знаю».

Ответил Энлайк. Ганбанзел мягко заговорил с ним, как с терпеливым учеником.

«Убивая. Ты остаешься в живых, а твой противник умирает. Разве есть какое-то другое настоящее чувство?»

«Не совсем понимаю. А убийство доставляет удовольствие?»

«Да, доставляет. Истинное удовольствие. В этом мире нет ничего более приятного, чем стать сильнее, победить врагов и убить их».

Ганбанзел протянул свои руки.

«Энлайк, посмотри на мои руки. Посмотри, какие они слабые. Сейчас я даже ребенка не могу убить».

Ганбанцель продолжал говорить.

“Долгое время я был обычным гражданином. Я просто жил своей жизнью как хороший человек. Оглядываясь назад, тогдашняя жизнь была невыносимой. Я подавлял свои желания и лгал себе - что это за жизнь? Жизнь означает брать то, что ты хочешь. Встретив культ Бога Вседозволенности, я, наконец, это осознал.

Однако, когда я открыл правду этого мира, я уже был стар. Я не мог убить никого своими руками, а уж тем более мечтать о том, чтобы стать сильнейшим существом.

Но у меня было желание. Я хотел, чтобы кто-то осуществил это желание вместо меня.

Я хотел собственными руками породить монстра”.

“Монстра...”

“На данный момент, только ту, что зовут Хамьюц Месета, можно назвать сильнейшей в мире. Она сильнейшая среди современных Вооружённых Библиотекарей, наших давних соперников. Убив её, следующий по силе сможет воцариться на вершине. Я ищу того, кто мог бы мне это показать. Энлайк. Понимаешь, почему я рассказываю тебе это?”

«...Стану ли я монстром?»

Пробормотал Энлайк. Ганбанзел кивнул с удовлетворением.

«Хорошо, что ты быстро сообразил, Энлайк».

«Если я стану монстром, смогу ли я улыбаться?»

«Конечно, Энлайк. Никакие выражения не смогут передать то наслаждение, которое ты будешь испытывать».

Энлайк взглянул на Ганбанзеля.

«Я хочу улыбаться. Я сделаю для этого все, что угодно».

Ганбанзел погладил Энлайка по щеке и мило улыбнулся.

«Борамот, я принял решение. Доставь его на мой остров. Он станет хорошим монстром».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/92625/3014336>